

Анна Вислоух (Людмила Петровна Шилина) родилась в г. Челябинске. Окончила Воронежский инженерно-строительный институт. Публиковалась в сборниках издательств «Эксмо», АСТ, «Вече». Автор рассказов, книг в жанре документальной фантастики. Дипломант Германского конкурса «Писатель года», лауреат премии «Кольцовский край», победитель конкурса «Подросток N» издательств «Лабиринт» и «КомпасГид». Член Союза журналистов и Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Анна Вислоух

«ДЕЛО ЯВЛЯЕТ, КАКОВ БЫЛ ТРУД!..»

(Петр I в Воронеже)

Повесть

ЗНАЙ ИСТОРИЮ СВОЕГО РОДНОГО КРАЯ!

Миша радостно бежал из школы, не обращая внимания на мелкий дождик, попадавший ему за шиворот. Он нетерпеливо позвонил в дверь, бабушка открыла, и он пронесся мимо нее в комнату.

— Ура! — услышала бабушка.

— А по какому поводу «ура»? — спросила она внука. — Получил пятерки по всем предметам?

— Не по всем, а только по математике! И не пятерку, а пять с минусом. А ура, ба, потому что завтра мы не учимся!

— И какой же завтра праздник? — удивилась бабушка.

— Ну, не совсем чтобы не учимся, просто у нас уроки будут в библиотеке. Мы завтра всем классом идем в библиотеку, на встречу с настоящей писательницей. Она решила написать книжку про царя Петра Первого, ну того, кто корабли в нашем городе строил. У него, оказывается, скоро юбилей, целых 350 лет, вот! И попросила нас помочь!

— Помочь написать книжку? — недоверчиво переспросила бабушка.

Миша нетерпеливо замахал рукой, а сам в это время вытаскивал из недр шкафа свой свитер, чтобы переодеться и бежать во двор. Там его уже ждали друзья.

— Ну да, вот прямо так и сказала! Нам наша Татьяна Борисовна передала. Представляешь, как здорово!

— Нет, не очень пока представляю. — Бабушка присела на диван. — Ну и как же ты собираешься принимать в этом участие?

— Как-как... Я скажу, что мы очень любим читать про приключения. Про войну, про всяких героев, фантастику всякую. И чтобы картинок побольше!

Миша уже переделся и нацелился бежать, чтобы поиграть с ребятами в футбол. Уроки-то на завтра делать было не нужно.

— Постой, но это же несерьезно. Это же обо всем и ни о чем. — Бабушка покачала головой. — Если вас попросили помочь, нужно подойти к такой просьбе ответственно.

Миша затормозил на пороге, удивленно поднял брови.

— Подойти ответственно — это как?

Бабушка встала с дивана, подошла к шкафу, открыла скрипучую дверцу и достала откуда-то из глубины толстую папку.

— Если хочешь, я расскажу тебе одну историю, и тогда ты поймешь, что такое — подойти ответственно.

Миша замаялся. Со двора доносился звонкий стук мяча и веселые крики ребят. Дождик закончился, было тепло и светило солнце, погода так и манила выскочить во двор и побегать по площадке с мячом.

— Ну... не знаю. — С одной стороны, ему хотелось гулять, а с другой... Что там такое, интересно, знает бабушка, о чем хочет ему рассказать? Может, и правда — остаться? И тогда завтра в библиотеке он покажет всем, какой он ответственный и как подготовился к этой встрече. Не каждый день с живыми писателями на встречу зовут, а в футбол еще можно сто раз поиграть. Или тысячу.

Миша вздохнул, стянул свитер и присел рядом с бабушкой. Она незаметно улыбнулась. И стала рассказывать. Миша позабыл про время, про веселую игру во дворе, про звонкий мяч. Его бабушка уже давно занималась родословной своей семьи, поиском корней, составлением генеалогического древа. Она много работала в архивах, разыскивала старинные документы, древние рукописи. И все ждала, когда внук немного подрастет, чтобы рассказать ему о его предках. А тут такой случай!

На следующий день Миша подошел к библиотеке с таинственным видом. В сборе был уже почти весь класс во главе с учительницей Татьяной Борисовной. Их пригласили в зал, где стояли стулья и висел большой экран. За столом сидела писательница, была она чем-то похожа на Мишину бабушку. Поэтому он окончательно приободрился, хотя и было страшновато: с настоящими писателями он еще ни разу не разговаривал.

Писательница напомнила ребятам, кто такой был царь Петр Первой, что сделал и для России в целом, и для их старинного города Воронежа. Ребята охотно отвечали на вопросы, они уже на уроках в школе слышали о роли этого царя в создании военного флота России.

А в конце встречи писательница спросила:

— Ребята, а что бы вы хотели прочитать в книге, о чем бы вам было интересно узнать?

И тогда Миша поднял руку.

— А можно написать о приключениях мальчика, ну вот такого, как

мы, который жил в то время? А потом он вырос и стал помогать царю строить флот!

Писательница внимательно слушала. Потом она улыбнулась.

— А кто тебе рассказал про такого мальчика из того времени?

— Моя бабушка давно собирает все о нашем роде, она была в архивах, много ездила и нашла интересные документы. И вчера она мне рассказала, что мой предок Иван Афанасьевич Трофимов работал с царем, когда он здесь строил корабли. Вот бы прочитать об этом в вашей книге!

— Но мне придется всю эту историю придумать, ты же понимаешь, что достоверных сведений о том времени почти не осталось. Да, есть воспоминания соратников царя, сам Петр оставил много записей, но как жили тогда простые люди, мы знаем только в общих чертах. А ты подсказал мне интересную мысль. Спасибо!

Миша, довольный, поглядел на притихших ребят.

— Мы будем ждать вашу книжку! И обязательно ее прочитаем.

И верно, разве можно жить в таком историческом месте, как Воронеж, и не знать о той великой роли, которую сыграл царь Петр Первый в его истории, в истории всей России, когда затеял здесь строительство первого российского военного флота.

Читайте эту книгу, и вы узнаете о приключениях мальчика Вани, о первых российских кораблях, о победах на море, о преобразованиях края и всей великой России.

«...УВИДЕЛ Я СУДНО ИНОСТРАННОЕ»

Теплым весенним вечером высокий красивый юноша с черными кудрями и мужчина в парике и темном кафтане медленно шли по Измайловскому парку. Усадьба Измайлово не так давно стала вотчиной царей Романовых, эти подмосковные места привлекли царя Алексея Михайловича своими охотничьими угодьями. А позже началось грандиозное строительство: несколько сотен крестьян прокладывали дороги, копали пруды, строили плотины, возводили дворцы.

Человек в темном кафтане говорил с сильным акцентом, юноша внимательно слушал, кивая. Так они подошли к покосившимся амбарам, и молодой человек внезапно остановился.

— А что в этих сараях, Франц? — спросил он.

— Старые вещи дяди вашего батюшки, Никиты Ивановича Романова.

— Давай пойдем, посмотрим, мне интересно!

Они зашли в один из сараев, самый большой. Почти во всю его длину на бок лежала какая-то необычная лодка.

— Какая-то странная эта лодка, Франц, — задумчиво сказал юноша. — Она вовсе не похожа на те, какие делаются у нас в России.

— Ничего удивительного, Петр Алексеевич, — ответил его собеседник. — Ведь это английский бот. Он применяется на море при кораблях. На нем можно ездить на парусах по ветру и против ветра.

— Я никогда еще такие лодки не видел, Франц, — нетерпеливо заговорил Петр. — Прикажу немедленно спустить ее на воду!

— Что ты, государь, — остановил его учитель, Франц Тиммерман. — Бот совершенно разрушен, ведь он принадлежал еще твоему отцу, Алексею Михайловичу.

— Тогда срочно найдите мне плотника, который бот починит! — Петр даже ногой притопнул. — И научите меня им управлять!

Желание царя — закон. Пусть ему и всего-то шестнадцать лет.

Плотника отыскали быстро, это был человек на Москве известный, голландец Карстен Брант, вызванный в Россию еще царем Алексеем Михайловичем для постройки кораблей.

Пришел Брант в сарай, почесал в затылке и выдал список необходимых материалов для починки бота. Петр взялся ему помогать. Спустили бот на воду на реке Яузе. Но царю одной лодки показалось мало, еще построили небольшие, «потешные» кораблики.

Управляя лодкой Петр самостоятельно, но то и дело натыкался на мели у берегов.

— Эх, мало здесь места, — вздохнул Петр, в очередной раз вытаскивая кораблик с мели.

— А ты, Петр Алексеевич, на Плещеево озеро бы подался, тут недалеко, под Переславлем, — посоветовал кто-то из его «потешного» войска, вытирая пот со лба.

— Хорошая мысль! — Петр хлопнул товарища по плечу. — Так и сделаем.

И закипела на озере стройка. Вырастала флотилия из «потешных», ненастоящих кораблей, которые, однако, прекрасно держались на воде. А еще могли и натиск противника выдерживать, когда устраивал царь «битвы» между потешными войсками.

«Чем бы дитя не тешилось, — думал Франц Тиммерман, вышагивая по берегу озера и наблюдая за «битвой». — Пусть наиграется вволю, за государственные дела примется, там не до потехи будет».

Но мудрый учитель ошибался. Его ученик хорошо познал ту науку, которую он ему преподавал. Петр потом сам напишет рассказ об этом, который войдет в предисловие к морскому регламенту. Еще в 1687 году Петр узнал о таком приборе — астролябии. И уговорил князя Долгорукого, отправлявшегося послом во Францию, привезти ему этот прибор.

Прибор в Россию доставили, но как им пользоваться, никто не знал. Пояснить, что это за штука и как ее применять, смог Франц Тиммерман, голландец, давно живший в России. Петр стал заниматься с Тиммерманом, познакомился с арифметикой, геометрией, фортификацией и артиллерией, с основами строительства крепостей, научился владеть астролябией и вычислять полет пушечного ядра.

Задумавшийся Тиммерман не заметил, как веселый, промокший до нитки Петр подскочил к нему, стиснул в объятьях.

— Эх, Франциска, мы с тобой еще таких дел наворотим, мир ахнет!

Вечером при неярком свете свечи Петр писал письмо матери, Наталье Кирилловне:

«Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей матушке государыне царице и великой княгине Наталии Кирилловне. Сынишка твой, в работе пребывающий Петрушка, благословения прошу, а о твоём здравии слышать желаю. А у нас молитвами твоими здорово все, а озеро все скрылось сего 20-го числа и суды все, кроме большого корабля, в отделеке, только за канатами станет. И о том милости прошу, чтоб те канаты по семисот сажень из пушкарского приказа, не мешкая, присланы были, а за ними дело станет, и житье наше продолжится. По сем паки благословения прошу. Из Переславля апреля 20 дня 1689».

Франц Тиммерман подошел, аккуратно вынул из-под руки Петра письмо, присыпал песком, сдул его, свернул в трубку. Петр безмятежно спал, положив кудрявую голову на руки.

Семнадцатилетний царь был в начале своих славных дел.

ХРОНИКА

Город Воронеж был основан на южной окраине Московского государства по указу царя Федора Ивановича. Сохранилось распоряжение боярина Никиты Романовича Юрьева от 1 марта 1586 года, в котором написано: «По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всея Руси указу и по приговору бояр... на Дону на Воронеже, не доезжая Богатово затону два днища, велено поставить Воронеж». Но есть письменные свидетельства, что Воронеж уже существовал и раньше. В 1586 году была построена крепость, поэтому этот год и считается официальной датой основания города.

Речные суда на реке Воронеж строили задолго до регулярного флота. А в 1613 году воронежцы начали поставлять донским казакам деньги (жалованье, которое привозили из Москвы), ткани, продукты и оружие. Такие поставки, проходившие по реке, получили название «донские спуски». Для этого в Воронеже строили речные суда — струги.

30 мая (9 июня по новому стилю) 1672 года в Москве у царя Алексея Михайловича Романова и его жены Натальи Кирилловны Нарышкиной родился сын Петр. Уже десятилетним ребенком он разделил царский трон со своим братом Иваном, в 17 лет фактически принял на себя управление страной, в 24 года после смерти брата Ивана стал царем, а затем и первым российским императором.

«...В ТОМ ЖЕ ГОРОДЕ ОТВЕСТИ МЕСТА ПОД СТРОЕНИЕ СУДОВОЕ»

Ваня бежал по улице, прижимая к себе доску, завернутую в тряпицу. В грудь бил ветер, сырой и злой, зимний еще, заставлял сгибаться пополам. И все равно весна была близко, не сегодня-завтра взломается на реке лед, тронется паводок. Ваня крепче прижал к груди плоский сверток и перепрыгнул через лужу перед лавкой купца Степана Лукича.

Тот уже ждал его в дверях.

— Принес?

Ваня вошел в лавку, торопливо развернул холстину, вынул доску. Купец взял ее, повертел в руках.

— Ну... пойдет. Хотя узор-то и покрасивше мог бы выдумать!

— Да куда уж красивше. — Ваня провел рукой по тонкой изящной резьбе. — Дело говорю, таких узоров боле нигде не сыскать!

Купец это знал, ткани с набивным узором, вырезанным на досках Иваном, разбирали быстро, местные модницы брали их охотно. Купец сбывал доски и в Москву, там народ побогаче, чем здесь, в Воронеже, желает в дорогие ткани наряжаться.

— Прибавить бы за работу, Степан Лукич, — попросил тихо Ваня.

— Ты что! — Замахал руками купец. — И так я с тобой по-божески! Отца твоего покойного помню, потому и плачу себе в убыток!

Еще недавно купцы Трофимовы были первые в городе, торговля шла бойкая: обозы их доходили и до Москвы, и до Ливонии, и до немецкой земли. Но как сгинул отец Ванин, Афанасий Федотович, вместе с товарами и обозами где-то в дороге, остались его вдове Евдокии Тимофеевне пустые амбары, да детей двое, да долги. Сегодня Ваня — главный в семье добытчик.

Сначала в монастыре с иконописцами работал, краски растирал да грамоту у монахов тайно постигал, а с зимы стал резчиком, доски для набойки стал вырезать. Да с выдумкой все: то травяной узор, то лапка-ми, то листья, то цветы. Что там заморские шелка и бархат! Мастер с такой доской так ткань разукрасит, пока не пощупаешь, будешь думать — заморское, дорогое.

Евдокия и радовалась, что в семье есть кормилец, и печалилась. Видела она, что у сына не по годам острый ум. Сядет Ваня на крыльце, задумчиво смотрит куда-то на реку, на корабли, которые там появились. О чем думает? Спросишь — молчит, улыбается только. И рисует угольком по доске. А еще на звезды все смотрит, шепчет что-то.

До этих кораблей Воронеж жил спокойно, размеренно, тихо. Мирно текла река, петляя по лугам. Возле самого города разделялась она на два рукава, огибала небольшой остров. В реке водилось много самой разной рыбы, хорошая была рыбалка местным жителям.

Берега ее поросли густым лесом, в котором обитали лисы, зайцы, волки, барсуки, лоси и особо ценный зверь — бобр. Из его меха носили шубы и шапки только бояре да купцы. Но самое главное — лес здесь был самый настоящий корабельный, ровный, мачтовые сосны прямо в небо упирались.

Государь Петр Алексеевич это сразу понял, как только увидел здешние леса. Усманский бор с его корабельными соснами он даже назвал «золотым кустом Российского государства». Согнали в Воронеж работных людей со всех окрестных мест, а еще голландских плотников и мастеров привезли, соорудили верфь. И стали строить корабли.

Кроме Воронежа, верфи поставили в селе Чертовицком, в Рамони, Ступине, Костенске... Но они были поменьше и назывались малыми верфями. А корабли и там сооружались не маленькие, а такие же, как в Воронеже, большие, многопушечные.

Петр ездил по стране, по Европе, воевал, строил новый город Петербург, но в Воронеж приезжал очень часто, так полюбил эти места. Город стоял на высоких буграх, за деревянными стенами с шестнадцатью башнями. Из них шесть были с воротами и назывались Рождественская, Девичья, Затинная, Ильинская, Никольская и Пятницкая.

Из Москвы в город въезжали через низкие ворота Рождественской башни. Со стороны реки въезд был через Девичью, Затинную и Ильинскую башни.

За городскими стенами жили воевода, чиновники-подьячие, стрельцы и священнослужители. Там же стояли приказы, житенная и губная избы, тюрьма, пороховые, оружейные и провиантские склады.

Простой народ селился возле стен, в посадах, по буграм, поросшим зеленой травой, по которой ходили гуси и утки. На высоких кольях сушили рыбацьи сети. На речной глади отражались облака, они словно плыли куда-то вместе с ней.

Ваня смотрел на бегущую воду и думал: поплыть бы и мне туда же. Интересно, далеко ли река вынесет? Речка молчала. Тихо было и вокруг. Вечерами тишину нарушал только лягушачий хор, да лаяли собаки.

И вдруг эту тишину разорвал, как худую холстину, стук топоров, завизжали пилы, запылали кузнечные горны. Берег покрылся щепками, стружкой, его завалили бревнами, досками, запылали костры под котлами со смолой, забегали люди, все завертелось и куда-то понеслось. Ване показалось, что даже река потекла быстрее.

На острове выстроили трехэтажный адмиралтейский двор. Два нижних этажа — каменные, а верхний деревянный. Возвели цейхгауз, склад такой, в котором хранились корабельные припасы: гвозди, скобы и всякая железная мелочь, топоры, лопаты, фонари, кожи, холстина для парусов, бочки с жиром, дегтем и краской, сапоги и прочая амуниция, оловянные корабельные подсвечники и посуда, рогожи, чугунные ядра, на которых мелом был отмечен их вес, корабельные флаги и вымпелы и даже снятые с лафетов пушки.

Царю Петру построили государев шатер. Остров и городской берег соединили мостом, который при проходе кораблей раздвигался. Диво, что и говорить!

Там, где недавно ходили гуси, быстро возвели дома для приближенных царя Апраксина, Головина, Меншикова — со стеклянными окнами. Но настоящим чудом стала Немецкая слободка. Здесь жили иностранцы, дома стояли близко друг к другу, а ворота охранял сторож. Здания тут строились хотя и деревянные, но раскрашивали их под кирпич и даже под мрамор. Железные и черепичные крыши были с флюгерами — жестяными петухами и мельничками, которые все сразу крутились под порывами ветра.

Дорожки были посыпаны красным песком, деревья аккуратно подстрижены. Ваня как-то увидел, что в слободке били какие-то водометы, по-иноземному — фонтаны.

Чуть дальше Немецкой слободки стоял канатный завод. И целая улица кузниц звенела и стучала наперебой.

Работные люди и русские мастера жили в бревенчатых и плетеных хибарках. А часто и просто в землянках: вырывали яму в земле, накрывали крышей. Землянки заливали водой, в них было сыро, холодно, люди болели и умирали. Но на верфи присылали все новых работников: крестьян из соседних деревень и посадских жителей.

Не знала Евдокия, что Ваня, отнеся заказ купцу, забегал на верфи. Подолгу стоял там, глядя на невиданное зрелище. И царя как-то раз увидел, тот шел на своих длинных ногах, в руках палка, сердито что-то выговаривал семенившему рядом воеводе. Ваня спрятался за бревнами, испугался грозного царя. Вдруг кто-то схватил его за ухо.

— Ты что тут, малец, делаешь?! А ну кышь! Зашибут тебя ненароком, отвечай потом!

Мастер, наверное, бородатый, сердитый, лохматый, что твой медведь. А ручищи, как клещи. Ванюшка потер горевшее ухо. «А все равно ходить сюда буду, — подумал. — И на корабль поберусь».

ХРОНИКА

Весной 1695 года состоялся поход русской армии к Азову. Так называлась турецкая крепость, которая находилась в устье реки Дон. Крепость, которой владели турки, преграждала выход России в Азовское и Черное моря. Взятие Азова укрепило бы позиции Российского государства на южных рубежах и ослабило набеги татар. Царь Петр I принимал участие в походе как первый бомбардир под именем Петра Алексеева, но на самом деле был главнокомандующим.

Азовская крепость имела три ряда укреплений. В трех километрах от нее по обоим берегам Дона стояли каланчи — каменные башни

с пушками. Между каланчами через реку были протянуты в три ряда железные цепи, которые преграждали судам выход к морю. Каланчи удалось захватить, и сторожить их были оставлены стрельцы.

Этот поход закончился неудачно. Причин было много, но главная — Россия не могла заблокировать Азов со стороны моря. И в ноябре Петр I принял решение о постройке военных кораблей в Воронеже.

Воронеж был выбран для строительства флота по многим причинам. Одна из них — природные богатства края. Деревянные материалы заготавливались в воронежских и окрестных лесах. Всюду были взяты на учет дубовые, сосновые, липовые, кленовые, березовые, еловые и другие деревья. Регулярные правительственные мероприятия по охране и разработке лесов в конце XVII—начале XVIII веков привели к созданию в 1703 году Приказа лесных дел во главе с князем Долгоруким.

Другая причина — удобные речные пути. Самая большая река на территории Воронежского края — Дон, его протяженность 1870 км. Кроме Дона, по области протекают пять рек протяженностью свыше 200 км и 227 рек от 10 до 200 км. В те времена эти реки были гораздо полноводнее, чем сейчас. В весеннее половодье по ним могли пройти суда, сплавливали лес.

В 1696 году в Воронеже развернулось строительство первого российского военного флота. Петр I приехал в Воронеж 29 февраля и оставался в городе 65 дней до 3 мая. Он сам работал на корабельной верфи, занимался оснащением кораблей, подбором экипажей. Жил царь в доме подъячего Игната Моторина, который стоял у реки (сегодня это примерно недалеко от пересечения улиц Софьи Перовской и Большой Стрелецкой).

«ДЕРЗОСТЬ ОТ ЧИСТОГО УСЕРДИЯ»

Ваня все-таки проник на корабль, залез, пока все спали, ходил по палубе, трогал руками снасти, произносил названия, которые слышал и запомнил, когда крутился на верфи между мастерами. Забрался в шлюпку и... уснул.

Проснулся оттого, что услышал чьи-то громкие голоса. Да не просто громким, а даже сердитым был голос, который что-то спрашивал, а ему, запинаясь, отвечал другой, потише.

— Игнат, зови детей боярских, буду спрашивать, чему они за границами научились, какого ума-разума набрались, — услышал Ваня.

— Ну, рассказывай, сын боярский, — потребовал Петр у первого недоросля, — как тебе жилось за границей.

— Хорошо, государь, жилось, — отвечал тот. — Народ там ласковый, дружный, не то что наши мужики, которые рады друг другу в бороды вцепиться.

— Ну, а чему научился?

— Многому, государь. Кланяться, государь, научился и двойным, и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею. Еще веселился. Учился музыке...

— Да, — сказал Петр, — многому тебя научили. А скажи-ка мне, Василий Шапкин, не про тебя ли говорят, что до того ты довеселился, что

продал за бесценок лошадей и одежду, оставил один кафтан, а выручку с проданного так поиздержал, что и хлеба тебе купить было не на что?

Ваня не слышал, что ответил Шапкин. Видимо, нечего ему было отвечать на вопрос царя.

— А выучился ли ты хотя бы говорить по-иноземному? — снова сурово спросил царь.

— Ээээ, вместо «батюшка» — «фатер» говорить научился, вместо «матушка» — «муттер».

— Так... — Ваня слышал, как царь забарабанил пальцами по деревянной обшивке. — А скажи-ка мне, друг любезный, что такое есть бизань-мачта, что есть брамсель, что есть ватерлиния, где стоит грот-мачта?

Повисла тишина такая густая, что казалось, ее можно было проткнуть пальцем.

— Ээээ... да я, батюшка царь, да мне...

Царь стукнул кулаком так, что Ваня аж подпрыгнул в своем убежище.

— Так! Задаю последний вопрос. Как правильно закрепить парус? Вот мачта, показывай!

— Закре... пить па-па-рус... нужно его привязать... наверное... Не вели казнить, батюшка...

— Обнести сезнями или концом, после того как парус взят на гитовы... — не выдержал Ваня, зашептал, высунув голову из шляпки.

— Это еще кто такой? — Царь резко поднялся, заглянул в шляпку. — Ты что здесь делаешь? А ну, вылазь!

Ваня, трясаясь от страха и проклиная свой язык, выбрался на палубу. Да разве можно было утерпеть и не сказать правильный ответ, когда Ваня давно всю эту премудрость изучил, подслушивая разговоры иноземных кораблестроителей и шкиперов.

— Кто такой? Что здесь делаешь?! — Царь грозно сдвинул брови. — Говори тогда, что есть ватерлиния! И попробуй только не ответь!

— Ватерлиния есть линия соприкосновения спокойной поверхности воды с корпусом плавающего судна, — протараторил Ваня.

— Хм... — Царь оценивающе оглядел мальчишку. — А что есть...

— Батюшка царь, не вели казнить, вели слово молвить! Я давно уже все слова морские знаю. А еще по-гишпански, по-аглицки, по-голландски понимаю! На судно хочу поступить, шкипером!

— Шки-и-пером? — Петр усмехнулся. — А навигацию знаешь ли, геометрию, арифметику?

Ваня повесил голову: ну вот, все пропало. Мог он немножко читать, в монастыре научили, а арифметику... Нет, не знает, что это за зверь невиданный. Слезы сами собой выступили на глазах, вот-вот прольются, стыдоба-то будет. Он всхлипнул и вытер рукавом лицо.

— Ээээ, так дело не пойдет! — захохотал царь. — Ты что ж, шкипер, будешь каждый раз нюни распускать, как ответ сыскать не сможешь? Как я тебя на корабль определю, там и поколотить могут!

— Я... я не буду, вот ей-богу, не буду... нюни! — закричал Ваня.

Царь повернулся к Игнату Моторину.

— Завтра же зачислить матросом на «Меркурий»... эээ... как звать тебя?

— Иван Афанасьев сын Трофимов, из купцов мы. Только батюшка пропал, когда с обозом из Смоленска шел...

Петр встал, выпрямился во весь свой рост, подошел к Ване, потрянул за плечи.

— Ну, Иван сын Афанасьев, смотри мне, не подведи!

ХРОНИКА

Корабли строили на правом берегу реки Воронеж (от современной улицы Чернышевского до Большой Стрелецкой). Возле Успенского монастыря верфь разделялась на две части: северную и южную. Первыми строили два 36-пушечных корабля: «Апостол Петр» и «Апостол Павел». Кроме них — парусно-гребные галеры, а также брандеры (небольшие корабли, которые применялись для поджога вражеских судов) и речные струги с каютами.

2 апреля 1696 года была спущена на воду большая галера «Принципиум», 26 апреля — многопушечный корабль «Апостол Петр». Кроме них, флотилия состояла из 1300 стругов, 300 лодок и 100 плотов. В конце апреля сухопутные и морские войска вновь двинулись на Азов. Петр I плыл на галере «Принципиум» в звании, как он писал сам, «командора».

Прежде чем начать осаду Азова, Петр I решил закрыть своими судами доступ к крепости с моря. Так турецкая крепость Азов оказалась окружена русскими войсками и флотом со всех сторон. Турецкий флот попытался снять блокаду Азова, но как только турки увидели, что русские корабли готовятся к бою, они обратились в бегство. 19 июля 1696 года Азов был взят русскими войсками.

20 октября 1696 года в селе Преображенском Петр I слушал предложения боярской думы. Общее решение гласило: «Морским судам быть». Постоянный флот из 40 и более судов было решено построить к апрелю 1698 года. Принять участие в строительстве флота должны были все: от вельмож до крестьян и посадских людей.

В указе от 4 ноября 1696 года говорилось: «Святейшему патриарху и властям, и монастырям построить по одному кораблю с 8 тысяч крестьянских дворов, боярам и всех чинов служилым людям — по кораблю 10000 крестьянских дворов». Центром создания флота стал Воронеж и близлежащие уезды. Так датой основания военного регулярного флота России можно считать 20 октября 1696 года.

Строить и снаряжать корабли под Воронежем должны были за свой счет духовные и светские землевладельцы, которые объединились в «кумпанства», чтобы нанимать корабельных мастеров. Под Воронежем и в самом городе началось строительство «кумпанских» судов.

Петр I хотел выучить собственных мастеров для становления промышленности России. И конечно, ему были нужны специалисты в области кораблестроения. Поэтому сразу после Азовского похода царь послал учиться за границу боярских детей. Но он и сам хотел овладеть корабельным мастерством. Именно поэтому отправился в так называемое Великое посольство в Западную Европу, где постигал разные науки под именем Петра Михайлова с марта 1697 по август 1698 года.

«ФОРТУНА СКВОЗЬ НАС БЕЖИТ...»

— Галс травить! Шкоты травить!

Ване показалось, что палуба дрогнула под ногами. Он наклонился к снастям, ухватился за канат и начал выбирать шкоты.

Палуба качалась, уходила в сторону. Ладони саднило. Ваня взглянул на руки: они были стертые, соленая вода, попавшая в раны, сильно щипала. Вздохнув, он начал сматывать снасти.

— Шкоты травить! Право помалу!

Только вчера они резво шли под парусами проложенным курсом, а сегодня на рассвете баркалон «Меркурий» ни с того ни с сего сильно качнуло и повело по ветру. И теперь команда убирала большие паруса, чтобы судно, свалившееся под ветер, пошло с нужной скоростью. А Ваня еще и забирался на фок-мачту, чтобы увидеть, нет ли темной полосы на горизонте. Незамеченный вовремя шторм оборачивался большой бедой, суда получали пробоины и шли ко дну, несмотря на опытность команды и капитана.

Ваня в редкие минуты отдыха любил слушать рассказ старого боцмана о сражении под Азовом, в котором тот принимал участие.

— Командовал нашей эскадрой адмирал Лефорт. А сухопутные полки генерала Гордона и Головина спускались по Дону на новеньких стругах. Ждали и донских казаков, которые должны были присоединиться к осаде Азова. И хотя главнокомандующим над этой армией поставил государь боярина Алексея Семеновича Шеина, на самом-то деле полководцем был сам Петр Алексеевич. Он на себя все реальное дело взял, а все почести оставил другим, понимаешь?

Ваня важно кивал. Царь, он такой!

— Сам же царь числился командором одной из эскадр галерного флота из восьми галер, — продолжал свой рассказ боцман. — В пути он узнал, что под Азовом якобы стоят два небольших турецких корабля, снабжавшие город продовольствием. И решил он напасть на них, но тут-то и выяснилось, что кораблей не два, а больше десятка, да еще и мелкие суда. Пришлось нам отступить к Донским каланчам. Но казацкая флотилия донского атамана Флора Миняева осталась наблюдать за турками и под покровом ночной темноты напала на их суда. Несколько кораблей сожгли и потопили, остальные скрылись. Ты бы видел, как они от нас удирали!

Ваня ясно представил себе эту картину и довольно засмеялся. Он знал, что благодаря этому успеху русской эскадре открылся свободный выход в море. И когда к Азову вновь двинулись турецкие корабли, доставлявшие подкрепление и боеприпасы, они подойти к крепости не сумели. Просто не решились вступить в бой с русскими кораблями. 18 июля не получавший поддержки с моря Азов сдался.

Но Петру после подписания в Воронеже очень важного договора с Данией необходимо было заключить с турками мир. И царь принял необычное решение: посол к туркам поплывет морем на военном корабле. А до первого турецкого города Керчи посланника будет сопровождать весь флот. Пусть турки своими глазами его увидят!

И вот в теплый апрельский день 1699 года российская эскадра, целых 150 многопушечных боевых кораблей и легких парусно-гребных галер, бригаantin, галеотов под командованием адмирала Федора Алексеевича Головина вышла из Воронежа в Азов. Но, конечно же, все понимали, что главнокомандующим эскадры был царь Петр, под именем капитана Петра Михайлова взявший под свое командование одну из галер. Перед отплытием он лично составил инструкцию о порядке движения кораблей. Даже сигналы прописал, чтобы поддерживать связь между судами.

Второй по должности в этом походе был вице-адмирал Корнелий Крюйс, капитанами кораблей и галер назначили иностранных офицеров.

В матросы определили солдат Преображенского и Семеновского полков, наскоро их обучив. Но многие уже имели опыт морского похода, когда пришлось им на галерах идти к Азову три года назад. Без профессиональных матросов-иностранцев не обошлись, им приходилось не только нести свою службу, но и обучать русских моряков.

Петр, скрепя сердце, зачислил на матросские должности недорослей дворянских, которых недавно экзаменовал. Подумал: здесь-то им не балы да развлечения заморские, уж чему-то научатся, а глядишь, и пользу принесут. Другого выхода не было: новому флоту отчаянно не хватало матросов, боцманов, капитанов... Взяли на корабль матросом и Ваню.

И хотя Евдокия убивалась и несколько дней рыдала от горя, он обнял мать, закинул за спину свою тощую котомку и ушел со двора. Но обещал вернуться.

Вода в том году была высокая, мелей на всем пути корабли не встретили. Снялись они с якоря под гром пушечного салюта. Вечером того же дня эскадра достигла места впадения реки Воронеж в Дон. Там корабли встали на якорь и простояли два дня.

Петр вышел на берег и побежал на своих длинных ногах к устью реки, за ним поспешили адмиралы Головин и Крюйс. Царь остановился на крутом берегу, задумчиво покрутил головой.

— Будем здесь крепость строить. И верфь. И стоянка для судов нужна надежная. Быть по сему!

Он энергично рубанул рукой воздух, как бы ставя точку. Возражать никто не смел, царедворцы знали: как царь задумал, так и исполнит.

Петр не слишком спешил к Азову, корабли плыли только днем, ночью стояли на якорях. Посол Емельян Украинцев еще собирал посольство в Воронеже и нагнал эскадру позже, уже в Таганроге.

Восьмого мая эскадра вошла в область Войска Донского, а 24 мая достигла Азова. Отбитая у турок три года назад крепость стала российским городом. Царю устроили торжественную встречу, с бастионов крепости и с прибывших кораблей поочередно прогремели пять пушечных и ружейных залпов.

В низовьях Дона у Азова в мае 1699 года собралось 14 многопушечных кораблей: «Апостол Петр», «Апостол Павел», «Отворенные ворота», «Скорпион», «Меркурий»...

Теперь нужно было идти морем к ближайшей турецкой крепости Керчи, чтобы показать туркам все величие нового российского флота. Для этого похода отобрали десять кораблей, полностью укомплектовали их офицерами и матросами.

Эскадра вышла в море. Корабль «Отворенные ворота» достался капитану Петру Михайлову. На судне «Крепость» находилось российское посольство во главе с Емельяном Украинцевым, которое из Керчи направилось в Константинополь. Русские послы везли меха на пять тысяч рублей, полтора пуда чая, «десять пудов рыба зуба».

Керченский паша сильно испугался при виде большого русского каравана судов и стал настаивать, чтобы послы ехали до Царьграда сухим путем через Крым, как того требовал турецкий султан. Но Украинцев отказался подчиниться его требованию.

Появление в Константинополе русского корабля действительно произвело сильное впечатление. Султан и его приближенные пришли осмотреть корабль, и по городу поползли слухи о прибытии целой русской эс-

кадры. Да еще с «Крепости» раздавалась пушечная пальба, вызывавшая панику в султанском дворце

Цель Петра — показать туркам флот перед началом переговоров о мире — была успешно достигнута. Восьмого августа 1700 года Петр I получил донесение Украинцева о заключении с Турцией перемирия на тридцать лет.

ХРОНИКА

За время отсутствия царя работы на верфях Воронежа продолжались. Рядом с адмиралтейством возвели парусный двор (завод), где приступили к изготовлению полотна на корабельные паруса. На реке Воронеж начала работать первая «пильная мельница» (водяная лесопилка), стали появляться другие необходимые предприятия. Весной 1699 года Воронеж стал важнейшим политическим центром России. Петр I находился здесь с 22 февраля по 27 апреля. На верфях продолжалось строительство многопушечных кораблей.

31 октября в Воронеж вновь приехал Петр I. Он остался очень доволен увиденным. В город прибыли 20 «кумпанских» кораблей, построенных на близлежащих верфях. А 19 ноября на воронежской верфи был заложен 58-пушечный корабль с особой формой килля, который назвали «Гото Предестинация» (Божье Предвиденье).

«КОРАБЛЬ ЖЕ, БОЖИЕ ПРЕДВИДЕНИЕ ИМЕНОВАННОЙ... НАШЕГО ЕСТЬ РАЗМЕРА И ТРУДА»

В феврале 1700 года Петр снова приехал из Москвы в Воронеж и пробыл здесь 80 дней. В этот раз его главной целью стал спуск на воду 58-пушечного корабля «Гото Предестинация», который был построен русским мастером Федосеем Скляевым по собственным чертежам царя.

На верфи всюду возвышались громадные остовы строящихся кораблей, на воде покачивались готовые и оснащенные суда. На берегу лежали кучами бомбы, ядра, разных размеров якоря, стояли корабельные пушки.

На торжественную церемонию спуска «Предестинации» в Воронеж приехали десятилетний сын Петра Алексей и сестра царя Наталья Алексеевна. Много было знатных бояр и иностранных дипломатов.

Сначала спустить корабль на воду намечали в конце марта. Но пришлось спуск отложить: весна того года в Воронеже выдалась холодной, снега было мало, и воды в реке тоже.

К адмиралтейству собирался народ — и в каретах, и в колымагах, и верхом, и пешком. Ваня крутился на верфи с раннего утра. Ему не терпелось увидеть, как это гигантское судно сойдет со стапеля и, мягко покачиваясь на волне, гордо повернется форштывнем по течению реки.

Шлюпка Петра, разукрашенная пестрыми вымпелами, уже была на воде. А корабль, что собирались спускать, подпертый толстыми бревнами, стоял еще на суше, на широких, смазанных жиром полозьях. По ним «Предестинация» должна была соскользнуть в воду. Судно тоже было украшено толстыми жгутами из сосновых веток. Его мачты были перевиты красными, голубыми и белыми лентами. И такой же флаг развевался на корме. Начищенные медные пушки сверкали на солнце.

Но вот в толпе кто-то охнул, раздались крики. Началось! Ваня стал протискиваться поближе. И сразу увидел царя.

Петр огромными шагами ходил вокруг корабля, глядел — так ли все сделано, не забыли ли чего. За ним бежали адмирал Апраксин, князь Меншиков и еще какие-то иностранцы, дипломаты, наверное. Чуть в стороне стояли его сестра Наталья Алексеевна с царевичем Алексеем, бледным долговязым подростком.

И конечно же, важно переговаривались между собой иноземцы-мастера, показывали трубками, зажатыми в кулаке, в сторону корабля. В его постройке они участия не принимали, потому удивлялись и одобрительно кивали. Были и русские мастера, корабельные плотники, среди них царский любимец Федосей Склаев, который корабль и построил.

Царь хриплым басом отдавал команды. Потом Федосей Склаев что-то сказал ему. Петр замолчал, посмотрел на мастера недоверчиво и полез через подпорки в яму под киль корабля. За ним полезли остальные и скрылись в яме.

Все воронежские бугры были усеяны горожанами и посадскими. Особенно радовались торговые люди, они раскинули палатки с кренделями, с пирогами, с бочками кваса, меда, с горячим сбитнем. Торговля шла бойко.

Вдруг на реке выстрелила пушка. К корабельным подпоркам кинулись рабочие, стали выбивать бревна, на которых держалось судно. Вот выбили последнюю подпорку — и корабль, сначала будто нехотя, а потом все быстрее, ломая доски полозьев, двинулся к воде.

Сначала немного зарылся носом в волны, толпа на берегу ахнула. Но корабль тут же выровнялся и плавно закачался, словно красуясь: три мачты с парусами, на каждом борту 26 бойниц, за которыми пушки. А еще шесть пушек на корме, украшенной резьбой. На носу золоченая фигура.

Тут на палубе заиграла музыка, застучали барабаны. Народ закричал, зашумел. С адмиралтейства ударили пушки. А Петр уже подплывал на шлюпке к «Предестинации». Он быстро поднялся на корабль по веревочному трапу и, сорвав с головы треуголку, закричал:

— Виват!

И все матросы и гости закричали:

— Ура! Виват!

Ваня тоже закричал, стал подбрасывать в воздух шапку, она упала, а уже не поднять, затоптали тут же. Но ему было не жалко. Какая шапка, здесь вон диво какое дивное, разве такое забудешь!

В Успенском храме состоялось торжественное богослужение и освящение корабля. Епископ Митрофан окропил корабль святой водой, и линкор под Андреевским флагом официально стал боевой единицей военно-го флота.

«Гото Предестинация» был первым судном такого класса. И в разное время построенные корабли «Отворенные ворота», «Меркурий», «Цвет войны», «Миротворец», «Спящий лев», «Старый дуб», «Дельфин», «Воронеж», участвуя в знаменитых походах и сражениях, удачно подтвердили мысли молодого царя: без флота, без моря большой стране — что без рук. Великое корабельное строение требовало и великих трудов народных. Царь-преобразователь едва ли не всю Россию поставил «под парус», «поднял на дыбы». Точнее пушкинского слова не сказать.

ХРОНИКА

Воронежский епископ Митрофан оказывал поддержку Петру I. Своими проповедями он содействовал строительству кораблей, жертвовал крупные суммы на кораблестроение, считал возможным заимствовать с Запада технические знания. Царь, в свою очередь, с уважением относился к святителю.

Закончился период «кумпанского» кораблестроения в Воронеже. 17 февраля 1700 года был учрежден Адмиралтейский приказ, его начальником стал Ф.М. Апраксин. Основной задачей Адмиралтейского приказа стала организация государственного кораблестроения в Воронежском крае.

Государственные корабли строились на самой крупной верфи, которая находилась в черте современного Воронежа на правом берегу реки. Воронежская верфь начиналась под Воронежским посадом у Богословской пристани у реки Воронеж от двора воронежца, посадского человека Андрея Ляпина и тянулась за пределы Чижовской слободы.

Всего на Воронежской верфи было построено и спущено на воду 118 военных судов. Именно здесь чаще всего работал среди простых людей сам царь Петр. Он лично заложил первый российский линейный корабль «Предестинация». Тогда же английский кораблестроитель Осип Нэй приступил к строительству корабля «Черепаша», в закладке которого тоже принимал участие царь. Весной 1700 года Петр I жил и работал в Воронеже больше двух месяцев.

Воронежская верфь делилась надвое из-за стоявшего на берегу Успенского монастыря. Царь Петр принял решение объединить Успенский монастырь с Акатовым, а церковь Успенского монастыря получила название Адмиралтейской. И стала одним из мест торжественных церемоний при спуске на воду в Воронеже новых кораблей.

Весной 1702 года 15 боевых кораблей были выведены из города к устью реки Воронеж. Три корабля «Разженое железо», «Святой Георгий» и «Святая Наталия» ушли на Азов. На остальные корабли не хватало офицеров и матросов. «Великую нужду имею в офицерах», — писал 2 мая в Москву Федор Апраксин.

«КОТОРОЕ ВАШЕ ЖЕЛАНИЕ ЗЕЛО МЫ ЛЮБЕЗНО ПРИНЯЛИ...»

— Ой, люди добрые, скорее бегите, там солдаты иноземца в землю живьем закапывают!

Растрепанный парнишка промчался по улице, крича и размахивая руками. Иван, смолвивший бока шлюпки, удивленно посмотрел ему вслед. Вернувшись из Азовского похода, он работал на верфи, но мечту стать шкипером не оставлял. Вслушивался в слова капитанов и шкиперов, крутился возле господ: не затевает ли царь новый поход. Но пока ничего разузнать не удалось. Оставалось только терпеливо ждать.

Царь снова приехал в Воронеж, а вместе с ним какие-то важные господа, много иностранцев. Один был очень веселый, в нелепом парике и чулках, ходил по буграм с каким-то свертком под мышкой, что-то напе-

вал и подолгу смотрел с крутого берега реки на дальний лес. Его прозвали немцем, впрочем, как и всех иностранцев тогда.

В тот день кто-то из посадских жителей увидел немца рядом с солдатами, которые орудовали лопатами, и подумал, что сейчас его будут казнить, закапывать живьем. Что ж он мог натворить-то, батюшки?! И люди побежали глядеть. Пойти, посмотреть, что ли... Иван поставил туесок со смолой, обтер руки и пошел туда, где слышался шум толпы.

Он еще не знал, что эта встреча изменит его судьбу.

И правда, на высоком берегу реки стоял странный человек в иноземном камзоле, парике и смешных башмаках. И объяснял солдатам на ломаном русском языке, помогая себе руками, что он от них хочет. А солдаты копали яму.

Потом человек спрыгнул в нее, сел там на стульчик. Из ямы торчала одна его голова в шляпе, перевязанной шарфом. Достал из свертка чистый лист и начал рисовать. Сидел в яме, рисовал и посмеивался. И солдаты добродушно усмеялись в усы: что за немцы! Уж придумают так придумают!

Передние в толпе уже разглядели, что немец живой и никто его не закапывает, а просто он в ямку спрятался от ветра. И что-то чертит на листе бумаги. В яме ему ветер был нипочем.

Но народ не расходился, было любопытно: чего там немец малюет? Художник же рисовал речной и городской ландшафт. Сначала то, что наверху. Вот городская стена — с башнями, с воротами, с церковными маковками — появилась на бумажном листе. Бугры с посадскими домишками. Лес вдаль, где над деревьями возвышалась луковица колокольни Акатова монастыря.

Иноземец отодвинул руку с листом, поглядел, засмеялся радостно. И принялся набрасывать нижнюю часть: штабеля леса, кузницы, дома царедворцев, адмиралтейский двор, Немецкую слободку, дубовую рощу, речку с двумя рукавами, корабли на стапелях.

И так задорно бегал по белому листу карандашик художника, что и Ване захотелось порисовать. Давно, ох, давно не держал он уголек в руке!

На земле валялся испорченный лист, видно, вырвало его из рук немца и унесло ветром. Тогда тот и решил копать яму, чтобы шаловливый речной ветер не портил его работу. Ваня, порывшись в кармане, достал уголек. И, приладившись на корточках, принялся и себе чертить.

Он рисовал то же, что и иноземец: городские стены, церковные маковки. Как здорово было малевать на гладкой белой бумаге! Уголек будто сам бежал по листу! Разве можно сравнить с амбарной дверью или коровой стеной избы, на которых он рисовал дома.

А немец тем временем, кончив свой ландшафт, вылез из ямы. Изумленно подняв брови, встал за спиной у Вани.

— О-ля-ля! Ты есть талант, малшик!

Это был голландский художник и путешественник Корнелий де Бруин, который недавно приехал в Воронеж вместе с царем и его свитой. Но Ваня не знал, как немца зовут, он увлеченно рисовал, пока не закончил-ся лист. Огорченно вздохнул и поднял голову.

— Пойдем со мной, малшик!

Корнелий ухватил Ваню за рукав и потащил куда-то. Ваня не на шутку испугался: сейчас накажут, что без спросу лист бумаги взял! Он чуть было не заплакал и уже хотел просить немца отпустить его, но тот вдруг остановился у недостроенного корабля и закричал:

— Питер Бас! Я хотеть с тобой каварить!

От работных людей отделилась высокая фигура человека в мокрой от пота рубахе. Он грязной рукой вытер лоб, подошел.

— Что тебе, Корнелиус? Пошто от работы отвлекаешь?

Корнелий молча стал показывать ему Ванин рисунок, а сам так же крепко держал парнишку за руку, видно, понял, что тот хочет при возможности сразу улизнуть.

— Все сии ландшафты, — сказал кавалер на своем языке, — сделаны рукой искусного российского мастера.

— Кто таков? — не поверил Петр. — Где нашел сего мастера?

Де Бруин подтолкнул бледного Ваню ближе к царю.

— Сим юношей, государь, будет гордиться ваше Отечество. Я уже стар и по свету поездил немало, но еще ни разу не встречал такой талант.

— Ва! — воскликнул царь, хлопнув Ваню по плечу. — Старый знакомец! Как звать, забыл!

— Иван Трофимов. Я с тобой, государь, к Азову ходил, матросом на «Меркурии», — осмелел Ваня.

— Точно, помню! Это ты шкипером-то стать хотел? Читать можешь?

— Маленько могу. Только не дюже шибко.

— Гут. Только не шкипером тебе быть. Куда ж такой талант зарывать, — сказал царь.

— Господин адмирал, — обернулся он к подбежавшему Апраксину, — завтра ж, не мешкая, отправь мальчика в навигацкую школу. А как научится словесности и математике, в Голландию пошлем. Нам свои, не заморские мастера надобны.

ХРОНИКА

Весной 1703 года в Воронеже была открыта навигацкая школа для обучения будущих корабельных офицеров из числа служилых людей — драгун. 18 июля адмирал Апраксин сообщил Петру I, что в организованной им школе обучаются арифметике 90 драгун. Для этого из Москвы были присланы учебники арифметики Леонтия Магницкого. Школа, открытая по указанию Петра, стала первым учебным заведением в истории Воронежа.

23 марта 1703 года Петр I снова приехал в Воронеж и оставался здесь до 8 июня. Вместе с царем в Воронеж прибыли Александр Меншиков и вице-адмирал Корнелий Крюйс. В Воронеже продолжали строить корабли. Петр проехал по окрестностям города и приказал перевезти готовые корабли к устью реки Воронеж, где решено было построить небольшую земляную крепость.

5 февраля 1703 года Петр I приехал в Воронеж с большой свитой. Царь хотел, чтобы об огромном российском флоте узнали в Западной Европе и Турции. С послами и купцами из европейских стран царь отправился к устью реки Воронеж, где зимовала большая группа кораблей.

Оттуда поехали к городку Костенску (сегодня село Костенки), где увидели выкопанные из земли во время строительных работ бивни мамонта. Об этом в своей книге «Путешествие по Московии» рассказал голландский дипломат и художник Корнелий де Бруин. В

Центральном государственном архиве древних актов сохранились документы, из которых понятно, что еще в 1696 году Петр I приказал начать раскопки «больших костей» в Костенске.

23 ноября 1703 года скончался епископ Митрофан. Царь Петр лично нес гроб владыки, а после похорон, обратившись к приближенным, сказал: «Не осталось у меня такого святого старца». Владыка Митрофан был похоронен в Благовещенском соборе Воронежа.

«...БЫТЬ МАТЕМАТИЧЕСКИХ И НАВИГАЦКИХ, ТО ЕСТЬ МОРЕХОДНЫХ, ХИТРОСТНО НАУК УЧЕНИЮ»

Навигацкая школа находилась при адмиралтействе, на канатном дворе. Она занимала длинную комнату с тремя окнами на первом этаже.

В комнате стояли грубо сколоченные столы и скамейки. На стене висела черная доска, на ней можно было писать мелом, и карта Российской земли. Возле двери — печка, сюда ставили провинившихся. Коленями на горюх.

Здесь же, в адмиралтействе, школяры и ночевали, спальни располагались на третьем, деревянном этаже. На деревянных топчанах лежали тощие соломенные тюфяки, вместо подушек — сосновые чурбаки, одеяла были колючие, жесткие. Долго не залежишься на такой постели!

Пища у школяров была скудная, каждому от казны полагалось два алтына в сутки. На самом деле, и этих денег не выдавали, казна была просто опустошена, все шло на строительство кораблей. И школяры добывали себе пропитание самостоятельно. Часто голодали.

Вот в такую школу определил царь Ивана. Друзей тут ему найти не удалось: первых школяров по указу царя набрали из драгун, крестьян-новобранцев, это были усатые здоровяки, курили табак. Многие и женатые уже. Сначала их было девяносто, и после окончания школы Апраксин планировал отдать их в обучение мастерам, чтобы получили какую-то профессию. Много талантливых людей вышло из того первого выпуска, некоторые стали младшими офицерами. Кому учеба давалась труднее, шли в мастерские.

Стал Иван изучать разные науки. Были они словесные, математические и военные — фортификация и пушечная стрельба. Еще была наука рапирная — как сражаться на шпагах.

Кроме первых учителей Афанасия Побегайлова и Петра Фролова, присланных в Воронеж из Москвы, в школе работал воронежский житель Семен Минин. Он был учителем «словесного поучения». И к тому же работал переплетчиком в адмиралтействе.

Учебник по словесности назывался «Букварь языка славенска, сиречь начал учения детям, хотящим учиться чтений писаний». Еще была грамматика Мелетия Смотрицкого «Известное художество глаголати и писати».

Математическая наука состояла из арифметики, или, как ее называли, числительницы. По математике был учебник «Арифметика, сиречь наука числительная» Леонтия Магницкого. Непростая это была наука! Она делилась на четыре части: аддиция — сложение, субстракция — вычитание, мультипликация — умножение и дивизия — деление.

Фортификацию, пушечную стрельбу и рапирную науку преподавал учитель-иностранец. Ученики по привычке называли его «немцем».

Почти всем школярам приходилось начинать с алфавита. Грамоте они никогда не обучались.

А по тогдашней азбуке и в самом деле было очень трудно учиться. Буквы не просто назывались *а, б, в, г, д*, а словами: *аз, буки, веди, глаголь, добро*, и так далее. Аз да буки — и все науки! И все это надо было запомнить, а уж потом — складывать в слово. Чтобы сложить слово «река», надо было сказать: рцы-есть — ре, како-аз — ка. Ре-ка.

Драгуны с тоской смотрели на учителя, с трудом выводили непослушными пальцами на своих грифельных досках буквы мелом. Ваня читать уже немного мог, объяснения Семена схватывал на лету. И Семен Минин стал его выделять из учеников. Он показал, как переплестать книги, Ваня быстро понял и стал помогать Минину.

И все бы хорошо, даже голод был ему нипочем, да и Евдокия подкармливала сына. Если бы не «немец», учивший военной науке. Впрочем, был он не немцем вовсе, а шведом, но тогда немцами называли всех иностранцев, и англичан, и итальянцев. Нем — «непонятно говорящий»; так на Руси называли всех чужестранцев, чей язык был непонятен.

Был он злющий, за ошибки драл учеников за волосы, ставил на горло, мог и палкой побить. И приговаривал: «Учить, малшик, станет знаменит, как я!» Не ведал Ваня, чем прославился этот маленький кривоногий человек с вечно дымившей трубкой в руках. Но твердо знал: ни за что он таким не будет! И терпел издевательства иноземца. Помнил обещание царя послать его на учебу за границу.

Весной в Воронеж приехал Петр. Вызвал к себе Апраксина.

— Сказывай, Федор Алексеевич, как навигацкая школа?

Этим своим детищем, первым учебным заведением России, царь гордился и всегда интересовался, как в нем идут дела. Апраксин сделал подробный доклад, перечислил нужды школы.

— Все?

— Не все, государь! Учится у нас один паренек из купеческих детей. И сей паренек на науку и на всякое мастерство оказался остроты необычной...

Петр заинтересовался:

— К какому мастерству он способен?

— Ко всякому, Петр Алексеич. В бытность свою до школы доски для набивки тканей вырезал, матросом ходил на «Меркурии». Теперь учителям помощь оказывает: приборы всякие чинит и в любом механизме сразу разбирается.

— На «Меркурии», говоришь? Так то ж мой старый знакомый, Иван сын Афанасьев. Когда с делами управлюсь, приду в школу.

Через несколько дней Петр без предупреждения явился в навигацкую школу, как не раз делал и прежде. Начальство забегало, засуетилось, но царь приказал продолжать занятия. Он зашел в класс, спрашивал учеников, рассматривал учебники, тут же на полях делал заметки, что надо исправить в следующем издании.

Из необыкновенной памяти Петра не терялся ни один разговор, он не забывал ни об одном человеке, достойном внимания. Тут же увидел и Ивана.

— Ну, здорово, Иван сын Афанасьев! Вон ты какой вымахал!

Царь с удовольствием оглядел ладную фигуру Ивана, взял его за подбородок и посмотрел веселыми карими глазами. Тот смутился.

— Сказывал мне твой учитель, что ты с успехом науку постигаешь, да еще и смастерить можешь всякую механику.

Иван невольно улыбнулся.

— То-то. Показывай свои труды. Что ты дельного сотворил?

— Он, ваше величество, макет корабля сделал, — ответил за парня учитель. — Вот он, на воде держится, как настоящий!

Царь разглядывал модель парусника и настроение его заметно улучшалось.

— Ну, Иван! Навигатором тебе не быть, а быть корабельных дел мастером! Мне великая нужда в таких мастерах, как ты. Ай да купеческий сын!

Иван был совершенно ошеломлен похвалой царя.

— Постигай, Иван, науку, отправлю тебя в Европу учиться, к английским мастерам. Надеюсь я, что ты иноземных корабельщиков перещеголяешь!

Иван вскинул голову и смело посмотрел на царя:

— Постараюсь, государь!

ХРОНИКА

13 марта 1705 года к Воронежу для корабельных работ были присоединены еще пять городов: Острогожск, Ольшанск, Урыв, Усерд и Верхососенск. В апреле в Воронеж вновь приехал Петр I, но в этот раз был здесь недолго. Шла война со Швецией и царь вернулся в Москву. Но, уезжая, оставил новые распоряжения адмиралу Апраксину.

1 июня адмирал заложил на левом берегу реки Воронеж в нескольких верстах от города Тавровскую крепость и верфь. Были возведены бастионы земляной крепости, каменные и деревянные строения. Кое-где сохранились остатки Тавровской крепости на левом берегу Воронежского водохранилища у села Таврово. Деревянный дом царя в Воронеже был разобран, перевезен в Тавров и там собран снова.

Труд на корабельных верфях был очень тяжелым, люди работали и жили в нечеловеческих условиях. Поэтому многие бежали на Дон, к вольным донским казакам. Царские указы предписывали казакам выдавать беглецов, но они не всегда исполнялись. В 1707 году по приказу Петра I туда были направлены карательные отряды.

Они действовали с особой жестокостью, и в ответ на это на Дону вспыхнуло восстание под предводительством атамана Кондратия Булавина.

Восстание охватило большую территорию, примыкавшую к Воронежскому уезду. 25 мая 1708 года князь В.В. Долгоруков во главе правительственных войск выступил из Воронежа к Острогожску. Кондратия Булавина поддерживали бедняки и крестьяне. На стороне правительственных войск были богатые казаки. Восстание Булавина было жестоко подавлено. Сам он погиб в бою.

Петр I вновь прибыл в Воронеж в 1709 году и находился здесь с 13 февраля по 9 апреля. Состоялся торжественный спуск на воду двух боевых кораблей. Царь распорядился укрепить город Тавров, перевести туда адмиралтейство из Воронежа. Затем Петр I проехал через

Тауров в Азов, а оттуда — под Полтаву. 27 июня произошла знаменитая Полтавская битва, в которой русская армия одержала убедительную победу над шведскими войсками. Три тысячи военнопленных шведов были отправлены под Воронеж на строительство новой крепости и корабельной верфи при впадении в Дон реки Осереды. Сейчас это современный город Павловск.

«МОГУ ЛИ Я ПРИКАЗАТЬ КОМУ-ЛИБО ИДТИ ВПЕРЕД, ЕСЛИ САМ НЕ БУДУ ВПЕРЕДИ ВСЕХ»

— Беда, государь! — адмирал Апраксин и царь Петр стояли на берегу реки. Царь был хмур, насуплен и нервно стучал тростью о бревно. И правда, это была беда: пятнадцать военных кораблей, построенных из сырого дерева, при спуске на воду осели, затонули и начали летом гнить в обмелевшей реке.

Петр и сам это уже увидел, когда в очередной раз приехал в Воронеж. Корабли нужно было спасать. Но как?!

Он был очень огорчен и встревожен. Мели занесло песком. Что делать? Чистить! И Петр приказал собрать специальные отряды людей. Стрельцов, казаков и их детей пригнали на Воронеж и Дон тысячи. Песок выгребали вручную. Чистить русло согнали всех, даже учеников навигацкой школы. Попал сюда и Ваня.

Петр стремительно шел по берегу реки, опираясь на неизменную трость. Все знали, что трость эта непростая, на ней нанесены единицы длины, как на линейке, и царь лично проверяет, точно ли по чертежам идет строительство корабля. Правда, этой же тростью мог и по спине отдубасить провинившегося. Но быстро менял гнев на милость. Об этом тоже знали все.

Царь остановился около работающих. Люди шли друг за другом. Кто тащил песок в мешке, кто в ведре, а некоторые наваливали в снятый и связанный рукавами кафтан.

Лицо царя потемнело, перекошилось: приближалась знакомая многим гневная вспышка. Вдруг Петр удивленно взгляделся в длинную цепь работников. Карие глаза повеселели.

— Апраксин, поди ко мне, — приказал он. — Смотри!

Апраксин подбежал, всмотрелся: двое парней тащили песок на носилках. За ними шли еще двое, с такими же.

— Вот! — воскликнул Петр. — Эти болеют за общее дело! Эй, молодцы, с носилками! Идите сюда!

К царю подошел Иван, его напарник по имени Степан испуганно прятался за его спиной.

— А, опять ты. Старый знакомый! Как учеба, успеваешь ли?

— Да какая ж, государь, учеба, коли мы на такую работу поставлены, — хмуро ответил Иван.

— Когда ж носилки сделали? — не обращая внимания на дерзость Ивана, спросил царь.

— Долго ли? — осмелел Степан. — Пораньше встали и сколотили... Но тут не стерпел Иван.

— Здесь нужно с умом! — горячо возразил он. — Или работать, или... Он не закончил и огорченно махнул рукой.

Царь улыбнулся:

— Старайся, Иван Трофимов, я тебя не забуду.

Иван снова сердито сказал:

— Мы-то стараемся. Попробуй ты с наше поработать...

— Что?! — Лицо Петра снова задергалось. — Я? Да ты с ума спятил!

Иван не смутился:

— Выбирай пару, померяемся!

Царь в азарте оглядел приближенных, те попятились. Взгляд Петра упал на Меншикова:

— А ну, Данилыч, давай!

Вторые носилки у работников отобрали, поставили рядом. Апракси-на назначили судьей. Меншиков почесал в затылке, но скинул своей новенький мундир.

— Начинай! — скомандовал адмирал.

Царь зашел по колено в воду, стал лопатой швырять песок на носилки. Лицо его пылало. Он тоже снял кафтан и кинул его на берег. Иван ловкими движениями перекидывал песок. Степан пыхтел, но в работе не отставал от товарища. Вокруг собралась кучка зрителей, раздались подбадривающие крики.

Царь навалил на носилки огромную грудку песка.

— Петр Алексеевич, носилки поломаются! — закричал Меншиков.

Царь, не слушая, ухватился за ручки:

— Бери! Докажем, что и мы кое-что умеем!

Меншиков, крихтя, поднял носилки, они затрепали, но выдержали. Следом двинулись и Иван со Степаном.

Прошло полчаса. Царь с Меншиковым не сдавались, но видно было, что им уже тяжело, силы на исходе. Через час царь с досадой бросил лопату:

— Ну, Иван, твоя взяла! Одной силой не обойтись. Споровка да привычка нужны. И еще технически... Вот тебе! — Он протянул Ване монету. И пошел дальше, бормоча себе под нос: «Нет, так дело не пойдет, тут нужна инженерная смекалка...»

— Инженера аглицкого ко мне! Быстро! — приказал Петр и зашагал к адмиралтейству.

Несколько лет назад на службу к царю приехал английский инженер Джон Перри. Его-то Петр и позвал на помощь. И Перри действительно придумал: он построил в устье реки шлюзы, и когда вода поднялась на несколько футов, затонувшие корабли наконец с помощью блоков вытянули на сушу.

Царь остался доволен его работой. Он вызвал к себе Перри и спросил:

— А можешь ли ты сделать еще шлюзы? По всей реке, чтобы стала она судоходной до самого Дона!

— Могу, государь, — ответил Перри.

— И мои восьмидесятипушечные корабли пройдут?

— Пройдут. Только нелегко это будет, людей немало понадобится.

— Хорошо, людей дадим, — кивнул Петр. — Прикажу по человеку со ста дворов собирать и везти сюда. Все остальное, что понадобится тебе, адмирал Апраксин предоставит. И приступай немедленно!

За год шлюзы были построены. Из камня соорудили дамбы, которые выдерживали сильный напор воды весной, во время разлива. Устроили шлюзы и для спуска весенних вод. И река Воронеж стала широкой и глубокой, а главное, судоходной. И пошли по ней тяжелые военные корабли.

ХРОНИКА

В 1711 году началась новая русско-турецкая война. И Петр I приказал отправить весной из Воронежа в Азов все годные к плаванию корабли. Из Петербурга прибыли в Воронеж офицеры и матросы, в числе которых находился молодой капитан-поручик Витус Беринг, датчанин, который прославился позже как полярный мореплаватель.

Беринг принял под свое командование корабль «Таймолар», построенный на Рамонской верфи. Именно «Таймолар» и еще несколько судов смогли пройти по мелководью Дона, разлив которого в этом году был недостаточным для судоходства, к Азову.

Война с Турцией в 1711 году завершилась для России неудачно. Петр I был вынужден заключить с турками мир, по которому Россия отдавала Турции город Азов и обязывалась прекратить строительство кораблей в Воронежском крае.

В Воронеж были переведены все губернские учреждения и с 1711 года город стал административным центром большой Азовской губернии. Воронежской она станет называться уже после смерти Петра Великого.

В 1714 году Петр I издал указ об открытии в городах России цифирных школ для обучения детей от 10 до 15 лет «цифири и некоторой части геометрии». Такие школы были открыты в 42-х городах России, в том числе и в Воронеже. Это было первое в истории города учебное заведение, в котором обучались дети. До 1728 года цифирная школа оставалась единственным учебным заведением в Воронеже.

В 1720 году в Воронеже была построена каменная Никольская церковь, которая сохранилась до наших дней и находится на улице Таранченко. В городе Таврове 14 июля открыли казенную суконную фабрику. Эта фабрика положила начало развитию суконной промышленности в Воронеже.

30 августа был подписан мирный договор между Россией и Швецией, по которому Россия получила земли на побережье Балтийского моря. Все пленные шведы, в том числе и те, что работали на Павловской верфи, были отпущены домой.

«ХРАБРОЕ СЕРДЦЕ И ИСПРАВНОЕ ОРУЖИЕ — ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВА»

Часто Иван видел царя то пробегавшего по верфи со свитой, семенившей за ним сади, то тесавшего бревна, то что-то писавшего на приспособленном для этого пне. И удивлялся, как тот умудряется делать столько дел одновременно?! Он уже знал, что царь дорожит каждой минутой, мало спит и много работает.

Воронеж при Петре стал большим и шумным городом. Кроме корабельных верфей здесь появились литейный и лесопильный заводы, канатная и парусная фабрики, смолокурные, столярные, кузнечные и множество других производств, которые были заняты выполнением государевых корабельных подрядов. Трудились тысячи привезенных сюда кре-

стьян. Днем и ночью стучали топоры, визжали пилы. Воронеж ковал морскую силу России.

Иван прилежно учился в школе, помня наказ царя. И на верфь приходил, рисовал корабли, придумывал чертежи. Но не давал ему покоя странный человек в черном плаще с капюшоном, которого он все время видел то на верфи, то в парусной избе, то за кучей бревен, словно случайно тот оказывался то здесь, то там. Ну, ходит и ходит, думал Ваня, никому же зла не делает. Хотя... Что-то было в этом человеке знакомое, но вот что — непонятно.

Сидел Иван как-то на бугре, рисовал новые корабли. Вдруг услышал:
— Пожар!

Он вскочил, огляделся: где?! Мимо уже бежали люди, кто с ведром, кто с багром. Ваня бросился за ними. Парусная изба горит!

Огонь уже охватил все здание, откуда с криком выскакивали мастеровые. Ветер швырял горящие головешки, раздувал языкастое пламя. Метались люди, напрасно стараясь потушить разбушевавшийся огонь. И тут Ваня снова увидел этого странного человека в черном, который вместе того, чтобы со всеми тушить пожар, быстро уходил в сторону верфи. Ваня погнался за ним.

— Стой! Стой, тебе говорят!

Но незнакомец только оглянулся и побежал. Ваня бросился за ним. Нет уж, догоню я тебя, не уйдешь!

Но человек вдруг пропал из виду, будто сквозь землю провалился. Ваня заметался по пристани и вдруг хлопнул себя по лбу: новый корабль, который он сегодня рисовал! Должны завтра спускать на воду. Уж не к нему ли побежал незнакомец?!

И он помчался к верфи. Корабль, словно гигантский зверь, мирно дремал на стапеле. Кто-то мелькнул за бортом. Ваня бросился туда. Человек в черном плаще с надвинутым на голову капюшоном нервно озираясь, достал кремень и стал бить о него кресалом, высекая искры. У борта был разложен сухой мох.

Ваня кинулся на незнакомца, выбил из его рук огниво, повалил на землю. Но тот был старше и сильнее. Ваня понял, что не сможет его удержать и завопил что есть мочи:

— Пожар! Пожар! Корабль горит!

К нему тут же подбежали мастеровые, подхватили под руки, подняли с земли.

— Держите, его держите! Он хотел корабль поджечь! И парусную избу тоже поджег, я видел!

Незнакомец, вскочивший с земли, бросился было наутек, но упал, споткнувшись о подножку, подставленную сообразительным работником.

— Где пожар? Кто кричал? — К кораблю спешил царь, весь в саже и копоти. — Корабль-то цел, ты что тут панику разводишь!

Он грозно посмотрел на Ваню, которого еще держали за руки.

— Государь, так я нарочно так закричал, испугался, что буду кричать: помогите, так никто не прибежит, все пожар тушат! А я с ним, с супостатом, один не справился бы, — оправдывался Ваня.

— Хм, — усмехнулся Петр. — Ловко придумал! А ты кто таков, отвечай! — Повернулся он к незнакомцу в плаще. — Да капюшон с него сдвиньте!

С головы поджигателя сдернули капюшон. Человек в черном плаще с вызовом посмотрел на царя. Ваня охнул: учитель-швед, от которого он

больше всего наказаний и насмешек получал. Как же он раньше не догадался!

— А-а, вот ты каков! Приехал, чтобы мастерство свое передавать, детей учить, — так мне говорил? А сам что? Корабли жечь?! Шпион шведский? Кто тебя послал, отвечай!

Но шпион только молча сверкал глазами и с ненавистью смотрел на Петра.

— Увести его! А ты, — царь повернулся к Ване, — старый знакомец, воду прошел, огонь прошел, теперь дело за медными трубами. Отправляйся учиться за границу, будешь корабельным мастером!

Ваня хотел запрыгать от радости, да сдержался. Такое важное поручение от царя получил, а радоваться будет, как ребенок! Нет уж, он теперь взрослый, от него ждут, что он своим умом и трудом пользу будет родному государству приносить. Он степенно поклонился царю.

— Благодарность наша, батюшка-царь, за твою заботу!

ХРОНИКА

В декабре 1722 года Петр I заехал в Воронеж на один день, возвращаясь из Персидского похода. И отдал распоряжение о возобновлении строительства боевых кораблей под Воронежем. Это был его последний приезд в Воронеж.

Весной 1723 года в Воронеж были направлены вице-адмирал Матвей Змаевич и корабельный мастер Федосей Скляев, который вместе с Петром строил знаменитый корабль «Предестинация». Для строительства новых кораблей был выбран Тавров и туда в августе 1723 года свезли более 13 тысяч работных людей.

В 1724 году в России провели первую всеобщую перепись населения, так называемую ревизию. В Воронеже было 1532 двора постоянных жителей. В большинстве это были ремесленники, купцы, однодворцы (потомки прежних служилых людей), а также «люди, работавшие по найму». Среди городов России по численности населения Воронеж находился на 39-м месте.

В Таврове к лету 1724 года было построено 30 крупных и 59 малых судов. Эти корабли были оставлены на длительное хранение, позже они приняли участия в русско-турецкой войне 1735–1739 годов.

«...НАДОБНО ВАМ ВОЗВРАТИТЬСЯ В СВОЕ ОТЕЧЕСТВО»

Царь Петр не спал, писал указ за указом. Он с такой силой нажимал на перо, что оно процарапывало бумагу, да и перья ему не успевали чинить. Хорошо, что гусей в Воронеже много было. Догоревшая свеча закоптила. Петр смял ее пальцами, зажег новую. Положил перо на край стола, отодвинул указ. Царь думал о великом предприятии, которому положил начало. Он схватил перо и, торопясь, начал писать: «Повелеваю...»

В эту пору царь был в полном расцвете сил и здоровья. Очень высокого роста, в старинной системе измерения — два аршина 14 вершков. Это примерно два метра 4,5 см. Обладал необычайной силой, мог свернуть в

трубку серебряную тарелку, а в Амстердаме рукой остановил ветряную мельницу, чтобы рассмотреть ее устройство.

Был скромен в быту, жил в «дворцах», в которых были две-три небольшие комнатки, а на свои расходы брал только те деньги, которые получал от своего небольшого поместья в Новгородской губернии.

— Мне мотать не из чего: заслуженного жалованья у меня немного, — любил повторять царь.

Одежду носил по несколько лет, часто ходил в заштопанных чулках и башмаках с заплатами. Ездил летом в одноколке с парой лошадей, зимой в санях, запряженных одной лошастью. Вставал до рассвета, ходил по своей комнате, думал.

Читал иностранные книги и газеты, отмечал, что нужно было бы перевести на русский язык. Потом шел на верфи, осматривал сделанное, работал сам. «А мы по приказу Божию к прадеду нашему Адаму в поте лица едим хлеб свой», — писал в письме к сестре.

Как-то пригласил к себе одного посла... в четыре часа утра. Посол засомневался, пришел в пять. Но царя не застал, тот уже был на верфи и работал, ставя мачту большого корабля.

Петру доложили о визите.

— Ну, так пусть сюда залезет, если не пришел в назначенное время, — сказал царь, вытирая ветошью руки.

Посол, охая и крича, взобрался по крутой лестнице на борт, где уже ждал его Петр, сидя на бревне. Там и бумаги подписывал.

Труда не боялся, сам работал порой больше всех. Как-то сказал одному офицеру, пожаловавшемуся на непосильные задачи:

— Надо трудиться, братец. Я и царь ваш, а у меня на руках мозоли, все для того, чтобы показать вам пример и хоть под старость увидеть в вас хороших помощников мне и слуг Отчеству.

Любил разговаривать с простыми матросами, солдатами, ремесленниками, крестил у них детей, пировал на свадьбах, шел за гробом умершего. Он сам строгал, пилил бревна, смолил, конопатил судна, чертил чертежи, умел работать на станках, ткацком и токарном, даже плавить железо.

Однажды на железодельном заводе выплавил своими руками 18 пудов железа и попросил зарплату. Хозяин тут же протянул ему 18 червонцев.

— Не хочу я твоих червонцев, я не лучше других работал, заплати, что положено! — рассердился Петр.

Хозяин заплатил ему 18 алтын, Петр тут же купил себе новые башмаки и долго еще хвалился вельможам:

— Вот эти башмаки я купил на трудовую копейку!

И много ездил — по России и в Европу. В то время такие переезды были очень непросты, отнимали немало сил. Даже выносливый крепкий Петр порой жаловался на усталость: «Все свое время столько не переездал верхом и прочие тягости понес, как сей год». А одно из писем так и помечено: «Писано на лошади»...

Петр потянулся, почувствовал усталость. Надо бы поспать хоть несколько часов, подумал. Но что это за шум во дворе в такой поздний час? Царь нахмурился, вскочил со стула. Отворил дверь.

В комнату, пригибаясь в низком проеме, вошел молодой человек. Был он высокого роста, почти как Петр, светлые кудри выбивались из-под парика, сапоги запылились.

— Прибыл, батюшка царь, по твоему приказу! — громко отчеканил.

Петр быстро зажег новую свечу, поднес к лицу молодца.

— Ого, никак Иван Трофимов! Поимщик шведских шпионов! Давненько не встречались! Да, вызвал тебя, здесь ты нам нужен. Рассказывай, когда из Голландии вернулся, чему научился? Есть у меня для тебя работа! Ниже по Дону начнем верфи ставить.

Петр тут же забыл про отдых, развернул на столе карту, стал с воодушевлением рассказывать, что хочет перенести верфи из Воронежа и Таврова в устье реки Осереды, левого притока Дона.

— Завтра же отправимся, место для новой верфи выбирать! — Он стало потер виски. — А сейчас отдыхать! Тебе так обязательно, с дороги — спать. Спать!

На следующий день в сопровождении корабеля англичанина Ричарда Козенца, русских мастеров, среди которых был и Иван, отправились осматривать новое место. «Середа», подчеркивал царь, не им одним выбрана, а после того, «как мы обще осмотрели с прочими мастерами».

В том же 1709 году началось здесь строительство корабельной верфи и нового города, который сначала назвали Осеред. А позже город стал называться Павловском. И построено здесь до 1711 года было три военных корабля и десять провиантских судов.

ХРОНИКА

28 января 1725 года Петр I умер. Он простудился, в ноябре стоя по пояс в воде Финского залива, помогая спасти севший на мель бот. Вскоре после его смерти Азовская губерния была переименована в Воронежскую. Петр I не хотел менять ее название, надеялся вновь вернуть Азов в Россию. С 1725 года Воронеж стал центром Воронежской губернии.

Единственным сохранившимся в Воронеже «свидетелем» деятельности Петра I в конце XVII–первой четверти XVIII века стала Успенская церковь на набережной Воронежского водохранилища. Сейчас это памятник истории и культуры. В 1996 году к 300-летию Российского флота храм был восстановлен и передан Русской православной церкви.

Воронежцы всегда помнили и помнят императора Петра I, гордились его кипучей деятельностью в Воронежском крае. Памятник (первый в городе) работы скульптора А.Е. Шварца, открытый в Воронеже 30 августа 1860 года, был именно Петру Великому.

В Великую Отечественную войну оккупанты вывезли скульптуру на переплавку. По постановлению правительства РСФСР она была восстановлена, и 10 января 1956 года памятник был открыт заново на сохранившемся постаменте. Авторы восстановленного памятника — скульпторы Н.П. Гаврилов и Г.А. Шульц.

Уроженцы Черноземного края посвятили немало трудов эпохе и образу Петра I. Среди них историк, курянин И.И. Голиков, написавший многотомное сочинение «Деяния Петра Великого...», художник, уроженец Воронежа Н.Н. Ге, автор картины «Петр Первый допрашивает царевича Алексея», воронежец, создатель художественной летописи родного края, писатель В.А. Кораблинов, историк, краевед В.П. Загоровский, писательница О.К. Кретьова и многие другие.

Памятник баркалону «Меркурий» под названием «Фрегат над морем» был установлен на Воронежском водохранилище в 1972 году по инициативе легендарного строителя Георгия Сухомлинова. Со временем он стал одним из символов Воронежа. В мае 2018 года накренившийся макет «Меркурия» сняли с постамента на водохранилище и на воронежском заводе «Стальмост» полностью восстановили. Памятник теперь находится в Ступинском сельском поселении Рамонского района.

В июле 2014 года на Воронежском водохранилище возле Успенской церкви была спущена на воду полномасштабная копия корабля «Гото Предестинация». Этот корабль-музей, построенный на Павловском судоремонтном заводе, — память о строительстве в нашем городе первого российского военного флота.

«ДЕЛО ЯВЛЯЕТ, КАКОВ БЫЛ ТРУД!»

Кораблестроение в Воронеже дало серьезный толчок развитию города. Вернее, самой нижней его части, именно там образовался деловой центр, говоря современным языком. Как выглядел Воронеж в то время, мы можем узнать благодаря рисунку голландского художника и путешественника Корнелия де Бруина. Копию рисунка можно найти в интернете.

Плотно были заселены районы Успенской и Богословской церквей, здесь находились дома знатных вельмож, за ними — дома мастеров и кораблестроителей-рабочих. Стояли дома и в нижней части Стрелецкого лога.

Выше Успенской церкви тоже селились люди, сегодня это нижние части современных улиц Декабристов, Карла Маркса и Бауманского переулка. А сама верфь — это сегодняшняя набережная имени Массалитинова и улица Софьи Перовской.

Стал заселяться район Акатова монастыря, сюда переселяли тех, чьи дома мешали расширению верфи. Сегодня это современные улицы Освобождения Труда, Батуриная, Ольминского, Фабричный переулок.

На нынешней улице Софьи Перовской стоял когда-то Успенский монастырь, он был основан еще в 1600 году. Около монастыря появилась Успенская слобода, где жили монастырские крестьяне и ремесленники. Именно здесь в 1696 году была заложена первая корабельная верфь. А недалеко от пересечения этой улицы с Большой Стрелецкой в доме подъячего Игната Моторина останавливался царь Петр, когда приезжал в Воронеж.

Через год рядом с Успенской слободой появилась Немецкая слобода, где жили иностранные мастера и моряки. И конечно, это были не только немцы. Это были и англичане, и голландцы, и французы, и итальянцы, приехавшие в Россию по приглашению царя. Сегодня это примерно район улиц Софьи Перовской, Карла Маркса и Декабристов.

Почти все здания того времени сгорели во время сильного пожара 1748 года. А кирпичные цитадель и цейхгауз стояли долго. В 1875 году в Воронеже организовали Петровский яхт-клуб, который арендовал у города здание цейхгауза. Остров был благоустроен, на нем разбили парк, к берегу проложили мост. После гражданской войны здание пришло в запустение. А в 1942 году во время страшных боев за Воронеж с германскими войсками здание было разрушено окончательно. Так перестал су-

ществовать один из самых значительных памятников пребывания Петра I в Воронеже.

Сегодня этот остров называется Петровским. Есть проект его реконструкции. Очень хочется верить, что этот исторический памятник действительно станет одной из наиболее интересных достопримечательностей города.

В верхней части города находился его духовный центр. На месте главного корпуса Воронежского государственного университета на Университетской площади стояло архиерейское подворье с резиденцией епископа Митрофана. Там же возвышался Благовещенский собор. Есть легенда, что Петр был здесь на богослужении во время первого приезда в Воронеж.

Как же Петр добирался из нижней части Воронежа в верхнюю? Скорее всего, по той дороге, которая проходила по современному Севастьяновскому съезду. Это одна из старейших улиц города, на пересечении которой с улицей Шевченко стояла Ильинская башня городской крепости. На рисунке де Бруина она есть. Через ворота в башне шла дорога вниз, которая стала частью улицы в XVIII веке. Деревянная Ильинская церковь была перестроена, она сохранилась до сих пор.

Давайте пройдем с вами по крутым буграм, кривым лестницам и узеньким переулкам старого Воронежа. Обойдем главный корпус Воронежского государственного университета слева или справа и спустимся к Ильинской церкви, а чуть ниже ее — к Севастьяновскому съезду. Здесь мы буквально перенесемся в давние времена, в крепость XVI–XVII веков, остатки которой сохранились. Ниже Ильинской церкви повернем на улицу Володарского, там пройдем по краю обрыва, свернем к частным домам 26 и 28 по улице Володарского. Эти дома стоят на месте, где размещалась самая укрепленная часть крепости. Отсюда открывается чудесный вид на набережную и водохранилище. Отсюда можно спуститься вниз по узким кривым лестничным спускам в нижнюю часть Бауманского переулка. Здесь можно сделать остановку на выступе холма и увидеть всю панораму: от Стрелецкого лога (Большой Стрелецкой улицы) до пересечения улиц Перовской и Чернышевского. Перед нами Успенская церковь, Петровский остров, макет корабля «Гото Предестинация». Потом мы спускаемся с этой горы и по улице Софьи Перовской подходим к Успенской церкви.

Наша экскурсия завершена. Можно просто молча постоять на этом месте, почувствовать ветер той эпохи, а закрыв глаза, представить, что здесь идет строительство кораблей, звенят топоры и пилы, перекликаются громкими голосами рабочие. А весь этот шум перекрывает зычный голос императора Петра, который вместе с простыми работными людьми тащит огромное бревно. Он еще только в начале дел, прославивших Россию.

НОВШЕСТВА, ВВЕДЕННЫЕ ПЕТРОМ I В ВОРОНЕЖЕ

В Воронеже в конце XVII века было очень мало печатных книг. При Петре I книги в Воронеж стали привозить иностранные корабельные мастера, в основном это были Библии на их языках и, видимо, учебная литература. Технические книги стали переводить на русский язык, Петр I лично контролировал этот процесс и даже занимался редактурой. 21 февраля 1709 года он послал Якову Брюсу переведенную книгу «О механи-

ке», прося выправить ее, «поскольку во многих местах есть неисправно и непонятно».

При Петре I в Воронеже появились «магазинны», прообраз современных магазинов. Но от тех магазинов, которые нам известны сейчас, они сильно отличались. Это скорее были специальные военные склады: адмиралтейский, провиантские, хлебные запасные, откуда все выдавалось по нормам для разных полков. На Воронежском адмиралтейском дворе во время кораблестроения находились магазинные амбары, которые затем перенесли в Тавров. Здесь, а также в Павловске находились наиболее крупные магазины.

В Воронеже в конце XVI века образовалась Ямская слобода, в которой жили ямщики, люди, перевозившие почту, осуществлявшие перевозки грузов между городами. В XVII–XVIII веках перевозкой и почтой занимались специальные органы: Ямские приказ, канцелярия и контора. Петр I внес серьезные изменения в почтовое сообщение, когда с развитием государственной системы требовалось как можно быстрее доставлять до места назначения указы и регламенты.

Важнейшее значение имел указ от 12 февраля 1700 года, учредивший между Воронежем и Москвой почту по станам (станциям). На каждом полагалось держать по две лошади. Почта из Москвы в Воронеж доставлялась за 55–64 часа (по указу на это отводилось еще меньше времени, 48–53 часа).

В 1701 году по указу Петра I была улучшена почтовая дорога Воронеж — Елец — Москва. Обочина дороги была засажена деревьями, по всей ее длине были поставлены верстовые красные столбы.

В Павловске на берегу реки Осередь был открыт первый зверинец. Он был устроен примерно в 1717 году, чтобы временно содержать в нем пойманных животных до отправки в столицу. Но существовал до 1740 года. Там же был высажен сад из редких сортов деревьев. Петр I сам собирал желуди и сажал дубовый лес. Недалеко от Воронежа и Павловска по распоряжению царя для опытов были разбиты овощные и фруктовые сады.

Иностранцы, приехавшие в Воронеж на строительство кораблей, привезли сюда и неизвестные продукты, и напитки. Это были немецкие и голландские сыры, рис, восточные пряности, финики, изюм, кофе, чай. Сахар продавали в виде больших «голов». Петр I привез картофель из Голландии, небольшой мешок, но повсеместно сажать его стали позже, в середине XVIII века.

В 1701 году Петр I издал несколько «аптечных» указов. В Воронеже аптечное дело зародилось именно в начале XVIII века. На Дальней Чижовке по указанию царя посадили «Государев сад» и там же создали один из самых первых в России государственных «лекарственных огородов». Петр I посадил там «венгерских лоз винограда». По его указанию Ф. Апраксин раздавал крестьянам семена аниса. В дальнейшем в Воронеже выращивали анис и для заграницы.

Так же, как и в Воронеже, на Тавровской верфи работало немало строителей. В одном месте скапливались тысячи людей, что создавало опасность эпидемий. В 1707 году по приказу государя на строящемся флоте была создана медицинская служба, а в 1724 году в Таврове начал действовать полевой госпиталь. Он стал первым медучреждением на юге России. Новые лечебницы находились в ведении Медицинской канцелярии. В каждом госпитале вводилась должность главного лекаря.

Именно Воронеж стал первым провинциальным российским городом, где царь начал внедрять новый стиль одежды. На торговой площади возле старой воронежской крепости стали продавать невиданную в России одежду. Мужчины должны были одеваться в короткие облегающие кафтаны и камзолы, а женщины носить широкие каркасные юбки. В 1702 году в Воронеж приехали несколько портных, шивших новомодное «французское» платье.

Примерно в конце XVII века в районе села Малые Студенки Липские началась разработка железных руд. В сентябре 1703 года в селе Студенки Липские (другое название села Липцы, позже — Липецк) был построен железоделательный завод, который создавался под наблюдением адмирала Апраксина. Завод обеспечивал военный флот металлом, пушками, мушкетами, пистолетами, бомбами. Там же были открыты источники минеральных вод. Петр I сам пил эту воду и издал указ, в котором говорилось, от каких болезней помогают воды и как ими пользоваться.

В конце XVII века была произведена первая гидрографическая съемка реки Дон. Эта съемка проводилась под руководством вице-адмирала Корнелия Крюйса, приехавшего из Дании на службу к царю. В этой работе активно участвовал и сам Петр Первый. Был составлен атлас из карт частей реки Дон, карт Черного и Азовского морей, вида берегов и карты первого проекта Волго-Донского канала. Кроме того, в атласе был текст с посвящением царевичу Алексею, рассказ о завоевании Азова, описание жизни и быта донских казаков, а также описание самого Дона. Атлас был отпечатан в Амстердаме.

СЛОВАРЬ НЕПОНЯТЫХ СЛОВ

Адмирал — высшее звание командного состава военно-морских сил, а также лицо, имеющее это звание.

Аршин — русская мера длины, равная 0,71 м.

Архиерей — общее название для высших чинов духовенства (епископа, архиепископа, митрополита).

Архиерейское подворье — дом (иногда с церковью) для временного пребывания архиерея.

Алтын — старинная русская монета в три копейки.

Амбар — строение для хранения зерна, муки, припасов, а также товаров.

Астролябия — старинный геодезический прибор для измерения углов.

Баркалон (от *итал.* barca longo) — парусно-гребное военное судно

Бас — мастер по-голландски. «Питер Бас» — так называл царя голландский путешественник де Бруин.

Бастион — крепостное или полевое военное укрепление пятиугольной формы.

Бизань-мачта — название кормовой мачты на трех — и более мачтовом судне.

Бот — небольшое парусное, гребное или моторное судно.

Брамсель — прямой парус

Бригантина — легкое двухмачтовое парусное судно.

Верстовые столбы — это дорожные знаки, которые ставились на расстоянии одной версты (путевая верста равнялась 500 сажаням — 1,0668 километра) друг от друга

Верфь — место постройки и ремонта судов.

Вершок — старая русская мера длины, равная 4,4 см.

Вотчина — в Древней Руси: родовое, наследственное земельное владение.

Галеон — большое многопалубное парусное судно XVI–XVIII веков.

Галера — боевой корабль, для перемещения использующий главным образом весла.

Гитовы — название разновидности морской снасти

Грот-мачта — судовая мачта, обычно вторая мачта, считая от носа судна.

Губная изба — помещение присутствия губного старосты в уездном городе, в котором сосредотачивалось все губное управление.

Дамба — гидротехническое сооружение в виде грунтовой насыпи или вала

Драгуны — название рода войск конницы (кавалерии), способной также действовать и в пешем строю.

Епископ — лицо высшего священнического сана.

Житенная изба — государственное хранилище зерна.

Кафтан — русская старинная мужская долгополая верхняя одежда.

Киль — продольный брус, проходящий по всей длине судна в середине его днища.

Конец — веревка у моряков

Кремень — очень твердый камень, *первонач.* употр. для высекания огня.

Кресало — стальная пластинка для высекания огня из кремня; огниво.

Кумпанства — товарищество, добровольно составленное из землевладельцев плотбывания повинности престоителстве кораблей армейского флота в России в конце XVII века.

Морской регламент — морской устав Российской империи, изложение обязанностей всех чинов на судах военного флота.

Навигация — наука, мастерство кораблевождения.

Недоросль — в XVIII в. в России: молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший еще на государственную службу.

Огниво — кусок камня или стали для высекания огня из кремня; кресало.

Одноколка — двухколесный экипаж.

Паша — титул высших сановников и генералов в старой Турции и Египте, а также лицо, носящее этот титул.

Подъячий — помощник дьяка, писец, служащий приказов и др. госучреждений России в XVI–XVIII вв.

Приказ — учреждение, ведавшее отдельной отраслью управления в Московском государстве XVI–XVII вв.

Пуд — русская мера веса, равная 16,3 килограмма.

Посад — в Древней Руси: торгово-промышленная часть города, обычно вне городской стены.

Сажень — русская мера длины, равная трем аршинам (2,13 м).

Сезни — мягкая, плетеная, или с плетеным концом, веревка,

Стапель — сооружение для постройки или ремонта судна и спуска его на воду.

Стрельцы — служилый человек «по прибору» в XVI — начале XVIII веков, служивший в государственном стрелецком войске

Султан — титул монарха в некоторых мусульманских странах Востока.

Устье — место впадения реки (в море, озеро или другую реку).

Флотилия — отряд судов.

Фок-мачта — первая, считая от носа к корме, *мачта* на судне с двумя или более мачтами.

Фортификация — военно-инженерная наука об укреплении местности для ведения боя.

Форштевень — деревянная или стальная балка в носу корабля, на которой закреплена наружная обшивка носовой оконечности корпуса

Фут — старая русская и английская мера длины, равная 30,48 см.

Червонец — золотая монета (обычно в 5 или 10 рублей; *устар.*).

Шкоты — это снасти, которыми тянут шкотовый угол паруса к корме.

Шлюз — сооружение на реке, канале для пропуска судов при разном уровне воды на пути их следования, состоящее из камеры с воротами.

Эскадра — крупное соединение судов военно-морского или воздушного флота.

Ямщик — от слова «ям», так в России в XIII–XVIII веках называли почтовые станции, на которых меняли лошадей.

